

Народный поэт Республики Узбекистан А. Файнберг

Ее Величество Вода..

Научно-информационный центр
Межгосударственной Координационной Водохозяйственной
Комиссии Центральной Азии

Народный поэт Республики Узбекистан Александр Файнберг

Иллюстрации Л. Башаровой

Её Величество Вода...

“Видели ли вы воду, которую пьете? Разве вы извели её из облаков, или Мы низвели? Если бы Мы пожелали, Мы бы сделали её горькой, отчего же вы не благодарите?”

Коран оят 56:67, 68, 69.

Бог дал миру воду как святой дар и велел не допустить её порчу, ибо он этого не сделал. В наш век бесконечной гонки за благами, за богатством, век нефтяного идола и золотого тельца, только вера и преданность чистой воде, её чудодейственная сила для здоровья, Для плодородия, для сохранения всего прекрасного может воплотить божественную волю!

Где слова не дано, там нет и прав.
Мы отравили древние глубины,
и в берег моря врезались дельфины,
и умерли, ни слова не сказав.

Молчат стволы порубленных дубрав.
Локаторы горам прогнули спины.
И меркнет свет над ядерной равниной.
И нету слов у обречённых трав.

Не проклянут нас ни вода, ни камень.
Нет слов у псов, добитых каблуками.
Нет слов у птиц, ракетой сбитых влёт.

Две тыщи лет от рождества Христова.
А мы живём. И стыд нас не берёт.
Кому ж ты дал, Господь, язык и слово?

Действительно, кому? И зачем?
Сколько столетий договориться не можем? Попробуй счесть.

Ну что ж, тогда, может, просто поговорим?

Недавно в Детройте выставлялись новые авто. На радость миллионерам красовались там супермашины с мощностью моторов до шестисот лошадиных сил. Это если каждая страна по десять таких табунов закупит, половину планеты овсом засеять придётся. Но в данном случае не овёс надобен, а нефть. Горючее. А сколько его надо, чтобы прокормить эти лимузины?

Ну ладно, допустим, что прокормили. Но тогда в полный рост подымется проблема - чем наши правнуки дышать-то будут? а?.. Воздухом морей и океанов? Оно бы конечно, да вот танкеры, из которых нефть при авариях на чистые воды этих морей и океанов обрушивается. Представишь - оторопь берёт. Несчастные птицы гибнут не в силах взлететь, мёртвые рыбы качаются на поруганных нефтью волнах. А мы?.. А мы всё говорим, говорим, да вот никак до нового вида энергии, не уступающего по эффективности нефти, не задумаемся. Нефть, нефть, нефть. Кровь планеты. Выкачиваем её, сжигаем. Дымом подымается она к небу. И множится у её хозяев золото. Однако стоп. Что? Кровь планеты? А не во имя ли дикого богатства льётся на войнах кровь человеческая? И как дымы от нефти, отлетают в небо души людей. Странное совпадение, не правда ли?

Да, без энергетики нам хана. Но и с нефтью в конце концов нам тоже не сдобровать. А в реках, морях и океанах плещется Её Величество Вода. Вот бы чем отмыть наши души, чтобы не грабить и не гробить друг друга и, конечно же, Природу, а услышать плеск её вод сердцами своими, понять смысл этого плеска. И, может быть, тогда она придёт к нам на помощь, спасёт нас и грядущие поколения от безумия и мучительного взаимоуничтожения.

Помню, в детстве любовались мы лужами от дождя, в которые попадал бензин. Красивыми они казались. Но то было в детстве несмышлённом, когда и преступления казались подвигами. И факиры в цирках изумляли нас - пацанов и девчонок - когда изрыгали изо ртов пламя. И охота же им бензин за щеками было держать, чтобы удивить нас и заработать на этом.

Теперь мне порой кажется, что высится над всеми нами такой факир, и зарево огня подымается над всей планетой, и волны чистых вод откатываются от человечества, чтобы вернуться и отомстить всем нам за жадность и непонимание дара, имя которому - Жизнь.

Поля России иль каньоны Штатов
всё шатко, моя милая, всё шатко.

И цвет индонезийских островов,
и Африка, и мощь британских львов.

Что будет с ними и что будет с нами,
когда рванёт последнее цунами?

Да ничего, родная. Ничего.
Солёный ветер остудит чело.

И всё.
И нет людей на планете.

И течёт себе нефть под землей, вода плещется
в реках, морях и океанах.

Нет слов на планете.
Нет Пушкина.
Нет Ахматовой.
Нет Цветаевой.

Лишь волны мирового океана вздохнут:

Марина...

Александр...

Анна...

Смертный толстяк и бессмертный Кощей
сели на травку, глядят на ручей.

Смертный толстяк уплетает при этом
хлеб да чеснок, да свиные котлеты.

Око с усмешкой кося на соседа,
смертный справляет победу обеда.

Смертный жуёт, а бессмертный Кощей
молча сидит да глядит на ручей.

Оттого, видать, и бессмертный, что не жуёт, а глядит на бегущую воду. Когда после долгой разлуки люди говорят: "Сколько воды утекло!", то, конечно же, имеют ввиду время. Так что же общего между временем и водой? Ведь вода, испаряясь, возвращается на землю дождями, снегом, хрустальными родниками, а время - как мы считаем - уходит навсегда. Но всё же отчего иногда чувствуется нами, что там за минувшим поворотом скованной льдом реки - лето, детство, юность, живые родители, что всё это куда не пропало.

Там где-то, где-то бродит это, это
по переулкам нашим лето, лето.

Там вместо штанг булыжники, портфели.
А мяч - он мяч. И что здесь дневники нам?

Потом на всех бутылочка портвейна.
И девочки красивые такие.

А после листьев осени костры
и снег зимы, и ветерок весны.

Всё это есть. Так вот тебе купе.
Езжай. Через минуту отправленьё.
Всё есть. Да нет на свете КПП,
что пустит нас туда хоть на мгновенье.

Да, контрольно-пропускной пункт не пустит нас обратно. Однако не просто так многие верят в свои прошлые жизни. Не просто так появляются двойники, разделённые веками. Ведь найденная археологами скульптура возничего из древних Дельф и король рок-н-рола Элвис Пресли схожи внешне как две капли воды. С чего бы это? Увы, нам этого не дано знать. А может быть и дано, однако редчайшим избранным. Да и само выражение "схожи, как две капли воды" - откуда оно?

А сам человек разве не из воды состоит? Да около восьмидесяти процентов. Не потому ли он и должен относиться к ней, как к самому себе. Однако увы, частенько забываем мы об этом. И мрачнеют небеса, глядя на нас. Проливают свои ливни, чтобы помнили мы всегда о необходимости близкого, родственного отношения к оберегающей нашу жизнь воде.

У Её Величества Воды лик самого бессмертия.
На земле она отражает нам высь небесную, а там...

Там, на краю ночного неба
стоит задумчивый рыбак.
И за его плечами невод
на лунных сушится столбах.

В пустой сети повисли звёзды.
И лодка светится у ног.
И, тихо омывая вёсла,
струится перистый песок.

Дрожат, светятся таёжные дождевики на ягодах калины, на сапогах моих, на воронённой стали автомата Калашникова.

Часовой я.

Мхи болотные охраняю от кого-то.

Всеобщая воинская, как говорится.

Долг святой.

Но при этом, при этом...

Как высшее одаренье
чую в своей крови
смолистый настой деревьев,
полуденный сок травы.

Трону ль кедра иголку,
касаюсь ли бересты
слышу я брата голос,
слышу я смех сестры.

Я сапогом осоке
не наношу обид.
Кланяется подсолнух,
как будто благодарит.

Хвою прикладом сдвину,
боль не чиня сосне
сразу же гроздь малины
просится в руки мне.

Мох на болотных кочках,
ранних рябин огни
шепчут: - Бери, что хочешь.
Попусту не губи.

И, стеблем пробив валежник,
будто на образа,
каждый цветок с надеждой
смотрит в мои глаза.

А над нирваной этой,
скрытая трын-травой,
в небо глядит ракета
с ядерной головой.

Вот она. Среди нежных берёз, дарящих музыку душе, сорокаметровых кедров с летающими с ветки на ветку белками, среди прекрасных сосен, природой взращённых. А эта с ядерной башкой сама что ли выросла? Не бегают по ней бурундуки с полосатыми спинами, да и медведи, забредшие сюда, из-под лба хмуро смотрят на чёрный ствол автомата и, развернувшись, уходят подальше в тайгу. И только мы - люди - в разных пределах земли охраняем эти ракеты. Мы, готовые в любой момент нажать на их пусковые кнопки. И тогда полетят они - огненные - по небесам. Нет, не сказочные жар-птицы счастья, а совсем даже наоборот. И загудит над планетой тогда пасхальный колокол.

Гулкий

глубокий

звон.

Шар земной польхает, горят острова,
В океанах вода выкипает.
И по двум полюсам жёлто-красной позёмкой
несётся огонь надо льдом.

Гулкий

глубокий

звон.

И не огненный гриб подымается в небо,
а огненный крест.
То Христос головою венчанной печально качает,
На землю смотря с небес.

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

О, Боже! Две тысячи лет. А ещё сколько до этого? Не умнеем. Нет. Воспитывая в себе злую хищность, не запрещаем охоту на живое в виде спорта, а не как необходимость для своей жизни. Вот она - неволя в душах. Волки, попавшие в наши стада, где всё легко доступно, режут своими клыками овец и оленей, не чуя голода. Комплекс легкой добычи вступает в силу. А ведь жизнь платит за это деградацией. Попав после таких боен в естественную природу, не догонят они свободного оленя. То же и люди. Я влюблён в книгу английского биолога и писателя Фарли Моуэта "Не кричи: "Волки!" В ней нет очеловечивания волков. В ней правда жизни, где люди, как насаженные на планету пришельцы, читая отчёты Моуэта о своей работе в канадской тундре, не поверили учёному-практику и поступили как последние идиоты. Я, быть может, идиот похлеще, когда всем советую прочесть эту книгу. Не хотят. У всех и так хлопот по горло. А как меньше стало бы хлопот этих, пойми они Фарли Моуэта!

Ведь хотя бы один шаг, приблизивший нас к пониманию природы Земли, сделал бы то, чего не сделают никакие уворованные у планеты блага для себя. И дело тут не в волках. Нельзя, недопустимо возводить в закон воровство и хищничество. Неужто гласность, дарованная государствами умнейшим людям, остаётся, как говорил когда-то мой товарищ - Сева Вильчек - гласностью вопиющих в пустыне?

Мы должны учиться у природы всему. В том числе чувству меры в потреблении благ, данных нам ею.

И вот ещё. Ненавижу людей искусства, как бы они одарены не были, если для создания своих произведений они убивают живое. Вот за это наказание по делу будет преследовать всю жизнь, каким бы мастером художник ли, режиссёр, чья миссия - нести в мир свет добра и сострадания, ты ни был.

Двустволка грохнула дуплетом.
Взвилась из-под когтей пурга.
И с веток на пустую клетку
свой снег осыпала тайга.

Ты в объектив берёшь волчару,
самодовольства не тая.
Хрипит под яркими лучами
добыча лёгкая твоя.

В тебя из глаз янтарь он мечет.
Горят в крови его клыки.
А ты, дублёночка овечья,
мерцаешь блёстками тайги.

И рядом - ангелочек ликом
ружьё откинув за плечо,
твоя стажёрочка из ВГИКа
в ладошки дышит горячо.

А где-то далеко отсюда,
решив с финансами вопрос,
главбух означенную сумму
перечисляет на лесхоз.

...Волк умер. Хвоя застывает.
У ног твоих дымится пыж.
Скажи, какой из фестивалей
ты этой кровью напоишь?

Где станешь ты лауреатом?
В какой стране, в лучах каких
слезинками тайги караты
сверкнут на запонках твоих?

Но слава Всевышнему - не на всё лесхоз хозяин. Есть ещё на планете вода. Её не запрёшь в клеть и не расстреляешь. И чем искать способ насилия над ней, не лучше ли её чистоте поклониться, увидеть своё отражение и понять, сколько добра человеку она принести может.

Чарует горная река
не лунной глубиной.
Дробятся в брызги облака
в воде её шальной.

В ней радость, в ней крутая злость
и ярость без конца,
взлетает ледяная гроздь
у самого лица.

Синь подперев гранитным лбом,
скала её хранит.
Вихрь из воды стоит столбом,
и радуга звенит.

Пускай гранит и гальки визг,
и пропасти отвес,
но есть раскованность и риск
в падении с небес,

в шипенье брызг на валуне,
в движенье озорном,
в короткой, как удар, волне,
в ожоге ледяном.

Однако дело в том, что в горах ночь наступает мгновенно. И тогда попробуй отыщи хоть один родник на склоне. Три лошади, обалдевшие куда больше нас от дневной жажды, рванули к лотку с водой. Три прекрасные морды бухаются в этот каменный лоток, сооружённый опытными горцами. А ведь коням нельзя. Они, разгорячённые подёмом, должны пару часов остывать в сёдлах с ослабленными подпругами и лишь потом пей сколько хошь. Но куда там! Глохнут, как скаженные. А что ещё интереснее - мы сами, спрыгнув с сёдел, глушим эту благословенную воду из лотка.

Спальные мешки до пяти часов утра даруют нам забытьё. А в пять утра солнышко весело пробуждает нас. И всё по-новой. Путь до точки - полдня. Работа с теодолитом - десять минут. А до следующей точки - опять полдня. Там - внизу - речка бурливая видна. Только шума её не слышно. А у нас и у лошадей губы пересохшие..

Жажда... Жажда...

Когда через десять суток в лагерь возвращаемся, первое, что делаем, прочь из сёдел и мордами в речку. Глотаем. Долго. А глаза в воде откроешь - и словно речной мираж, смотрят на тебя из воды прекрасные и благодарные этому мгновению лошади.

Но то - горы... А если в глазах колеблется марево пустыни?

Мы - четыре топографа - двигаем по красным пескам..
Пить - умираем...

И вдруг под барханом, над которым уходит в знойное небо вышка
триангуляционного пункта - колодец.

Причем - не высохший.Счастье! Крутим рукоять. Ведро внизу
шлёпается о воду. Глаза наши светлеют. Скрипит ворот. Цепь
позвякивает. Раскалённая цепь...

Но вот оно - желанное мятое ведро. А в нём вода. Но все мы отшат-
нулись от жуткого запаха гнили. Да в такую воду и руки опускать
страшно. Само дыхание могил древнего мазара, что неподалёку,
наполняет мятое ведро.

А с неба + 50, да и от песка + 70.

Солнце твоё.

Оно жарит тебя, как жарят гусынь.

Горит саксаул. И летят поезда мимо пустынь.

Вараны хвостами следы на песке замели.

Потрескались карты

и фотопланшеты, и губы твои.

Под войлочной шляпой в глазах твоих бродит мираж.

Ты цифры считаешь.

Ты молча грызёшь карандаш.

А что как пространства пустынь много веков назад были дном неведомых нам океанов и морей? Отчего не предположить, что ось земная когда-то поменяла своё положение в космосе? И что скрыто сегодня под беспредельными глубинами? И что будет с нами, живущими надеждой о грядущем великом счастье?

Счастье - это счастье. У каждого своё. Каким бы оно ни было. А вот образы счастья и любви всегда полны света. Даже в трагедиях. Это волны, несущие в изгнание Гамлета Шекспира. Это гневные гребни "Сонаты моря" Чурлёниса. Всюду они, ибо вода есть часть души всего живущего. Потому и любое искусство не обходится без неё. Специально или независимо от себя все творцы мира с поклонением относятся к воде. Одни бросаются в неё с восторгом, другие приходят к воде с покаянием и очищают душу свою. Я уж не говорю про обряд крещения. Не смею касаться этого. Я только о музыке, живописи, поэзии. Вода, вода - куда ни глянь. Тропические ливни, снежные метели, семицветные радуги. А отсутствие воды в "Великой Суши" Киплинга? Горло пересыхает, когда читаешь этого великого романтика и ощущаешь его Великую Сушь. Но снова являются строки:

Пускай рыбак забрасывает невод,
пьёт пьяница, придурок ловит власть,
смотри - скрипичный ключ восходит в небо,
чтоб музыка на землю пролилась.

Пролилась... Чувствуете? Пролилась. Как желанная вода для наших душ среди налетающих вдруг суховеев.

Вдали качнулась яхта на ветру.
Волна чуть плещет на песок и гальку.
И женщина красивая, нагая
идёт вдоль побережья поутру.

Она в Москве растрачивала пыл
по временным общагам и баракам,
пока лихой араб из эмиратов
её на всякий случай не купил.

Швыряет снег российская метель
на окна баров, на щиты рекламы.
И на Тверской у баров дрогнут дамы,
в надежде выжить кинувшие Тверь.

Пока, вцепившись намертво в Москву,
они с ней делают пьянки и разбои,
дельфин играет в Средиземном море.
И женщина проходит по песку.

Она забыла горе всех обид.
Идёт себе, не думая о доле.
И раковину держит на ладони
и слушает, как море в ней шумит.

Ты не пристанешь к этим берегам.
Тебя не взять ни золотом, ни властью.
Но волны льнут к её босым ногам.
И кто ответит, что на свете счастье?

Кто в меня только ни верил,
в сердце надежду тая.
Верили травы и звери.
Верила мама моя.

Всё я сменял на свободу.
Вот и стою у могил.
Травы пожёг за собою,
доброего зверя убил.

Вот я и волен, как птица.
Что ж неприкаян, как вор?
Что же мне больше не снится
с детства желанный простор?

Где мои дальние страны?
Где океаны-морья?
В небо на коршуна гляну
коршун летит от меня.

Белый такыр под ногами.
Пуст мой рюкзак за плечом.
Стыд ли меня обжигает?
Зной ли мне губы печёт?

У родника на колени
я опущусь, как старик -
тихо с моим отраженьем
в землю уходит родник.

Действительно, кто ответит? Средиземное? Чёрное? Японское?

Вечная тайна Её Величества Воды... И она откроет её нам.

Но лишь тогда, когда захотим, когда научимся слышать и понимать гребни её волн, да и просто круги от упавшего на неё листа с прибрежного дерева. В юности весь мир беспределен и распахнут. С годами многое меняется. Иные порывы, иные привязанности, иные желания. Пути судеб неисповедимы. А ведь как мечталось! Весь мир смолоду увидеть. Ну и конечно же, чтобы все были счастливы.

Смешно, что в детстве хотелось найти полный кошелёк, чтоб всем купить подарки. Но только тот кошелёк, который никто не потерял. Смех! Ну это совсем детство. А в юности влекли к себе подводные лодки. Нет, не ракетные. Просто лодки. Хотел я, чтобы они быстрее плавали, меньше о воду тёрлись. Ну и додумался. До чего? А до того, чтобы воздух вокруг их корпусов был. Тогда и трения о воду не осталось бы. И летали бы они под массой воды этой, как самолёты в небе. Но как мне решить это? Мечта. Полвека прошло. Недавно узнал я, что кто-то мечту эту в реальность воплотил в виде пузырьков воздуха по всему корпусу подлодки. Скорость стала... Ну да ладно. Ведь лодки эти не просто гуляют по океанам, а посланные неведомыми Некто, несут на себе ракеты ядерные. Чем эти прогулки кончатся могут - лучше не думать. А ведь была мечта сдружиться с водой. Но если всё полыхнёт, кто первым виноват будет? Ну конечно, всё тот же мечтатель. Ведь ежели бы не он, и подлодок не было бы. Да? А этих вездесущих Некто не только никто не обвинит, но даже и не вспомнит. Так что же остаётся?

Как что? А это вековое утешение?

Лежать в июле у реки...
Лежать, покусывать травинку,
не убирая со щеки
песка прохладную крупинку.

Волна плеснула. Чиркнул стриж.
Паромщик крикнул над рекою...
И снова золотая тишь
качает лодку на приколе.

Висят стрекозы над травой.
Недвижна в небе паутинка.
В жаре к излучке луговой
бежит сквозь марево тропинка.

Стоят над полднем облака.
И в сердце светится такое,
что, не скупясь, отдашь века
за миг блаженного покоя.

Ага... Покоя... Как же!

Переполнен разноязыкий эфир тревожными голосами дикторов радио и телевидения. Стегают по глазам трагические фоторепортажи газет и журналов.

"Наводнение в Китае... Эвакуируются..."

"Горит тайга..."

"В Ставрополье наводнение... Колодцы занесло илом..."

Пить нечего..."

Ни слушать, ни смотреть невозможно. В Сибири - Венеция. Гондолы с очумевшими от страха мычащими коровами. Ау, Америка, ООН, Европа, Индия - мир мой бешеный! Мир с терактами, насильниками, миллиардерами, нищими, шобандитами.

Дурдом ты мой! Планета моя родная! Это как же мы нагрели, что такие наказания? Тонут города, а леса Твои, Господи, в огне, который гасить нечем. Спецсамолётов не хватает. Да что ж это?

Но стоп. Какое я имею право Всевышнего тревожить? Может, пора и мне, и тебе, и всем нам мозгами пошевелить и понять, что нельзя плевать в дарованный небесами колодец? Работать надо, а не воевать. Ведь неровен час - и всем кранты. И тебе, и мне, и даже главам религиозных конфессий и правительств земных.

Вот они - нефтью изгаженные моря, дельфины, выбрасывающиеся на побережья из радиоактивных волн, кислотные дожди. И всё это из-за нас - людей. Вот и бунтует вода, то уходя из рек и морей, то набрасываясь на города и сёла.

Завалюсь в песок у мола,
руки вытяну к волне.
Пусть она меня омоет,
пусть прокатится по мне.

Все обиды, все печали,
сердца горький неуют,
на бурунчиках качаясь,
в даль морскую уплывут.

И хоть был я в жизни грешен,
не вина и не кляня
даль небес меня утешит,
даль небес простит меня.

Станут счастливы со мною
скалы, чайки, паруса...
Только где такое море?
Где такие небеса?

А ещё видится мне, как уходит Арал. Давно уже созданы комитеты по спасению погибающего моря. Командировки, суточные, зарплаты... Но скелеты рыб и кораблей остаются скелетами.

Трагедия планеты. Правда, один русский мудрец внес смятение в комитеты по спасению моря и на время заставил глубоко задуматься руководство этих организаций. "Надо, - изрек он, - айсберги из Ледовитого океана в аральскую впадину сбрасывать".

Умница. Илья Муромец. Проснулся. Анестезия милая, родная, где ты? Усыпи его еще лет на восемьсот.

И ещё. Давно уже не новость, что во имя перемен к лучшему каждый должен это улучшение начинать с себя. И если к тебе лично пришла беда, оглянись - а сам ты никому не принёс такой же беды? Пускай когда-то давно, пускай нечаянно. Так не аукнулась ли она тебе? Не скатилась ли когда-нибудь чья-то слеза, в которой ты виновен, на страницу книги судеб? Не покрылась ли эта страница смолой из коры зазря порубленного дерева?

Пусть даже не тобою. Но ты прошёл мимо. Все мы повинны...

Во всём...

Я виноват, что звери умирают.
Я виноват, а чем - не знаю сам
что чья-то мама плачет в Зауралье,
а сын в столице глух к её слезам.

Я виноват, что с рельс летят колёса.
Я виноват рассудку вопреки,
что град побил за Волгою колосья,
а в Каспии погибли рыбаки.

Я виноват, что атомы - в распаде,
что треск огня проламывает лес.
Я виноват, что Господа распяли.
Я виноват, что он потом воскрес.

Я виноват, что из глубин жаровен
на землю угли адские летят.
И лишь в одном я, точно, не виновен
в том, что во всём на свете виноват.

Поражает, когда в дикой природе наступает время засухи, к сохранившимся речкам одновременно склоняются и гепарды, и львы, и тигры, и что главное - антилопы. Никто из этих антилоп не убегает, и никто из хищников не нападает на них. Вода в эту пору примиряет всех.

Нормально, да? Так неужели нам, людям страшная всеземная суть нужна, чтобы в конце концов помириться? Нет, не огромная Сахара на Африканском континенте видится мне сквозь семицветье радуг. А видится мне маленькая страна. Я через древних предков имею к ней нечто общее. Дальнее, правда, древнее. Израиль называется. Не буду о сухом известняке пустыни, из которого на поту и крови людской взошла зелень трав и пальм, сосновые массивы на склонах гор и мандариновые сады. Правда, одна эмигрантка с Киева двинула коренным:

- Ваш Моисей (дальнейшее не употребляю) сорок лет вас по пустыне таскал. Нет того, чтобы на землю Кувейта, где нефти навалом, приволоочь, так он сюда...

Ништяк юмор, да? А кто тебя, дивчина, звал с самостийной благословенной Украины на бедственную Святую? А впрочем (дальнейшее не употребляю), с тобой. Я не о том. Я про H₂O. Три моря вокруг страны, что по площади едва до Ташкентской области дотягивает. Но моря-то - соленые. А за опреснители платить дороже, чем у Турции пресную воду закупать. Дождевые баки - над каждым домом. Капли ловят. Единственное пресное озеро - Кинерет, ждет снега и дождей. По всей стране унитазы, извините, по две ручки имеют. Одна мало воды сливает, другая больше. И, конечно же, - счетчики. Я уж не говорю о капельном поливе

полей. Кстати, тот, кто его придумал, раньше в Ташкенте жил. Но, кроме него, здесь жили и советские чиновники, которые его в море бумагу утопили. Вот и рванул он отсюда, чтобы наследники тех чиновников у страны с Ближнего Востока закупили технологию капельного полива за счет рядовых налогоплательщиков, к которым я и себя причисляю.

А что, чигирь, разве не так? Есть на нашей планете водопад. Ниагара называется. Вот где воды навалом! А ещё Арктика и Антарктида! Льда - хоть чем ешь. А я помню, как сносят после знаменитого Ташкентского землетрясения кинотеатр "Молодая гвардия". Это нечто! Сперва слетают плюшевые гардины с рекламных витрин, и на мой пыльный в те годы город глядят из витрин утаённые на всякий случай бюсты Сталина. Маленькие. Штук сто. Но вокруг большого. И на что же они глядят? Да на землю, где арыки пересохли от природной беды нашей. А из-под земли этой пробиваются из-за безводья пустых арыков упругие ростки суровой верблюжьей колючки. Где живём?

Так что "Вода - это жизнь" - не крикливый лозунг, а тихая, но истинная правда. Ведь мы когда-то из чистейшего Салара бамбуковыми удочками серебристых маринков вылавливали. Рыбка такая была. Это я для молодёжи говорю, которая по нечаянности, быть может, прочтёт эти строки. Была, была в Саларе эта рыбка. Да и Салар был, арыки, из которых мы, разгорячённые после футбола, воду хлебали. И ведь даже без бетонных русел чисты были эти арыки и прозрачны, как родники. И маленькие-маленькие рыбёшки разлетались в стороны, когда студили мы свои лица в арычной воде. Каждой весной все выходили чистить эти арыки. С лопатами простыми и совковыми, с кетменями. Никто не заставлял, не призывал. Сами.

Осталось немного. Осталось немного...
На небо взглянуть и расстаться с дорогой.

В пылающей роще, забыв про обиды,
куста не ломая, коснуться рябины.

Осталось понять, вспоминая утраты,
что так же страдают деревья и травы,

Студённый родник... Он горит, как икона.
Чеканные листья на дне родниковом.

Осталось услышать закатную птицу.
Пред ясной водой на колени склониться.

Осталось понять, что настала усталость.
Как много осталось... Как много осталось...

Осталось?.. Много?..
Как хочется в это верить...

Верить и видеть сквозь годы жизни, как из бассейна под брызгами городского фонтана... меж валунами бурливой горной речки... на пляжный галечник голубого озера... выбегают они... - черноволосый подросток и золотоволосая девочка. И от их распахнутых рук - радуги, радуги, радуги...

Прозрачные крылья стрекоз. Они замирают над береговой осокой. А вода течет по широкому арыку. Дай Бог, чтоб всегда. И чтоб стояли у чигиря мальчик и девочка.

- Не могу, - говорит мой молодой друг.- Не могу шланг на край водопровода натягивать. Вон арык. Бултыхаюсь с ведром и поливаю свои грядки. А вообще-то надо чигирек смастырить.

Потом, помолчав, вздохнул:

- Была бы вода...

И напоследок:

- Ненавижу, когда из неисправного крана бесполезно H_2O капает.

В безвестность...

В никуда.

***Вода - самое святое, что у нас осталось!
Давайте беречь и охранять её и мы сбережем мир!***

Разработано и подготовлено к печати:

Научно-информационный центр МКВК
Республика Узбекистан, 100187, г. Ташкент, м-в Карасу-4, 11

Тел.: (998 71) 265 92 95, 266 41 96 Факс: (998 71) 265 27 97
Эл. почта: info@icwc-aral.uz,
<http://sic.icwc-aral.uz>; www.cawater-info.net

Редактор: В. А. Духовный
Художественный редактор: Л. Башарова

Оригинальная идея дизайна
и компьютерная верстка: Д. Абдурахманов

